

Теоретическая модель договора в отечественной правовой доктрине: от казуальности к нормативности

Т. А. Кандыба

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается эволюция отечественной теоретической модели договора от классической гражданско-правовой «сделки равных» к многоуровневой конструкции, включающей договор как юридический факт и обязательство, как инструмент публичного управления (административный договор) и как возможный источник норм (нормативный договор). Показаны основные этапы: дореволюционная цивилистика (Мейер, Шершеневич, Покровский), советская трансформация (Агарков, Иоффе, Новицкий – Лунц) и постсоветская доктрина (Брагинский – Витрянский, Суханов; административно-правовая школа). Обосновываются критерии нормативности договоров – общий адресат, повторяемость, автономность нормы и компетенция сторон. Отмечаются современные корректирующие механизмы (добросовестность, публичный порядок, защита слабой стороны; hardship и пересмотр условий) и требования к «встроенности» нормативных соглашений в иерархию источников. Делается вывод о синтезе частно-правовых и публично-правовых начал и о методологическом разграничении уровней действия договора по источнику полномочий, адресату и цели регулирования.

Ключевые слова: договор, административный договор, нормативный договор, гражданское право, публичное право, добросовестность, свобода договора.

Для цитирования: Кандыба Т. А. Теоретическая модель договора в отечественной правовой доктрине: от казуальности к нормативности // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 4 (82). – С. 75–95. DOI: 10.35231/18136230_2025_4_75. EDN: KBUTDF

The Theoretical Model of the Contract in Russian Legal Doctrine: From Casuistry to Normativity

Timofey A. Kandyba

Independent researcher,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article traces the evolution of the Russian theoretical model of contract from the classical civil-law "agreement of equals" to a multi-level design in which a contract functions as a juridical act and obligation, as an instrument of public administration (administrative contract), and in specific cases as a potential source of norms (normative agreement). It maps three stages: pre-revolutionary civil law (Meyer, Shershenevich, Pokrovsky), Soviet transformation (Agarkov, Ioffe, Novitsky-Lunts), and post-Soviet doctrine (Braginsky-Vitriansky, Sukhanov; administrative-law scholarship). The paper sets out criteria for normativity – general addressee, repeatability, autonomy of the rule, and the parties' normative competence – highlights modern corrective tools (good faith, public order, protection of the weaker party; hardship and contract revision), and stresses the need to embed normative agreements into the hierarchy of sources. It concludes with a synthesis of private and public law logics and a methodological separation of levels by power source, addressee, and regulatory aim.

Key words: contract, administrative contract, normative agreement, civil law, public law, good faith, freedom of contract.

For citation: Kandyba, T. A. (2025) Teoreticheskaya model dogovora v otechestvennoy pravovoy doktrine: ot kazual'nosti k normativnosti [The Theoretical Model of the Contract in Russian Legal Doctrine: From Casuistry to Normativity]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (82). Pp. 75–95. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_4_75, EDN: KBYTDF

Введение

Договор – один из основополагающих правовых институтов, привлекавший внимание российских юристов на протяжении всех этапов развития права. В разные эпохи – дореволюционную, советскую и современную – теоретическое понимание того, что такое договор, существенно различалось, отражая социально-экономические условия и соотношение частноправовых и публично-правовых начал. Классическая дореволюционная цивилистика рассматривала договор прежде всего как проявление автономии воли равноправных участников гражданского оборота [11, 16]. В советский период акцент сместился, и свобода договора была ограничена плановым началом, а сам договор нередко воспринимался как инструмент хозяйственного (а отчасти и административного) планирования [2, 13, 15]. В новейшее время, с восстановлением рыночных принципов, доктрина вернулась к модели свободы договора, одновременно интегрируя публично-правовые элементы (например, публичные договоры и административные соглашения) [5, 8, 14].

В статье прослеживается развитие теоретической концепции договора в частном и публичном праве на основе трудов отечественных юристов дореволюционной, советской и современной эпох. Автор выявляет историко-теоретические тенденции этой эволюции, отмечая стремление к более широкому пониманию договора, включая его возможное восприятие как источника права.

Результаты

В своем фундаментальном труде «Русское гражданское право» Д. И. Мейер определял договор как соглашение воли двух или нескольких лиц, порождающее право на чужое действие, имеющее имущественный интерес [11, с. 75–79]. В работах Г. Ф. Шершеневича договор – согла-

шение, направленное к установлению, изменению или прекращению юридических отношений; договор есть вид сделки¹. Уже здесь видны три опорные идеи: (1) консенсуальный характер (совпадение волей), (2) направленность на возникновение гражданского правоотношения, (3) имущественный интерес как критерий отграничения от соглашений иного (личного, семейного) характера [1, с. 78–79]². Указанные критерии фактически очерчивали пределы понятия *договора* в гражданском праве – только соглашения, удовлетворяющие всем трем условиям, признавались договорами, что позволяло отграничить их от соглашений морального, семейного или иного характера, не имеющего юридической природы договора.

Договоры строго отличались от личностно-правовых отношений, классический пример – брак, который не рассматривался как гражданско-правовой договор, поскольку из брачного союза не возникает право одного лица на действие другого, вместо этого возникают особые личные права³, подобным образом высказывался и Д. И. Мейер, который границы института договора определял так: «...действие другого лица, составляющее объект права, порождаемого договором, должно представлять собой юридический интерес. В иных случаях представляется и соглашение воли двух лиц относительно какого-либо действия, совершается и действие. Но оно не имеет юридического интереса, потому и соглашение не имеет значения договора. Например, А приглашает своего знакомого В посетить его; В соглашается и действительно посещает А: здесь нет договора, потому что действие, составляющее предмет соглашения, чуждо юридического характера» [1, с. 76].

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. С. 152–160.

² Там же.

³ Там же. С. 426.

Тем самым закладывался фундамент для понимания договора именно как юридической сделки, опирающейся на совпадение воли и нацеленной на имущественный результат. Профессор И. А. Покровский тонко анализировал соотношение воли и волеизъявления, показывая, что для действительности договора важны оба элемента, при этом свобода договора ограничена законом, публичным порядком и нравственностью [16, с. 29–31, с. 46–57]. Такая постановка вопроса предвосхитила последующие дискуссии о добросовестности, злоупотреблении правом и балансировании частных и государственных интересов в публично значимых сферах. Покровский, развивая учение о воле, подчеркнул необходимость уравнивания субъективного усмотрения сторон с требованиями правопорядка, фактически указав на зарождение категории добросовестности в договорных отношениях. Его идеи оказали влияние на дальнейшую цивилистику, последующие поколения юристов подробно исследовали пределы реализации договорной свободы во избежание злоупотреблений и для защиты слабых участников.

Авторы дореволюционного периода проводили ясное разграничение между односторонними актами и договорами как разновидностями сделок, придавая последним качество юридического факта, порождающего обязательства¹ [11, с. 75–79]. В проектах Гражданского уложения предусматривалось именно такое разграничение и, несмотря на то что Гражданское уложение не вступило в силу, доктринальная конструкция закрепились и стала фундаментом для последующей кодификации [11, с. 75–79]². В итоге дореволюционная модель представляла договор как частноправовую конструкцию, отражающую принцип автономии воли равноправных сторон, ори-

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 152–160.

² Там же.

ентированную на имущественные отношения и исключаящую властные и сугубо личные связи [11, с. 78–79; 16, с. 46–57]¹. Следует подчеркнуть, что дореволюционное правоведение проводило строгую грань между частно-правовым договором и действиями публичной власти. Любые соглашения с участием государства (например, договоры казны) либо рассматривались как гражданско-правовые сделки государства на равных с частными лицами, либо вовсе исключались из правовой конструкции договора. Соответственно, представление о том, что договор может использоваться в сфере публичного управления, было чуждо классической школе. Таким образом, в дореволюционной теории договор воспринимался исключительно как институт частного права. Сфера властных отношений и неимущественных (например, семейных) связей намеренно выводилась за рамки договорной модели, что исключало саму возможность рассмотрения публичных соглашений в качестве договоров. Подобный подход отражал господствовавшие в тот период либерально-правовые взгляды, ориентированные на свободу частной воли и минимизацию вмешательства государства в договорные отношения.

Несмотря на идеологический разрыв с прошлым, первый советский Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. сохранил понятие договора (но не легальную дефиницию) и ряд классических положений дореволюционного права, хотя и адаптировал их к условиям плановой экономики.

Один из разработчиков нового советского права Е. Б. Пашуканис связывал право с товарностью и обменом, а договор – с центральным понятием буржуазного права. При исчезновении товарных отношений договорная форма утрачивает свое прежнее значение [15, с. 97–104]. Хотя данный тезис не отрицал юридической

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 152–160.

значимости договора, он фактически перенацеливал его на реализацию планового хозяйства: свобода усмотрения уступала место обязанности заключать договор во исполнение государственного плана [15, с. 100–104]. В русле марксистской теории права договор рассматривался как порождение товарного хозяйства, обреченное на исчезновение при социализме. На практике же советское государство сохранило договор как юридический инструмент, но подчинило его плановой дисциплине – заключение договоров стало не выражением свободной воли, а средством реализации государственных заданий.

В советской цивилистике параллельно укреплялась «обязательственная перспектива». Профессор О. С. Иоффе определял договор как соглашение, совершаемое для установления, изменения или прекращения гражданских правоотношений, при этом подчеркивал, что обязательства могут возникать и вне договора (из административных актов, односторонних действий, деликтов) [13, с. 45–52]. Ученый М. М. Агарков настаивал на двуединстве, где договор – это и волевой акт (сделка), и возникшее на его основе обязательственное отношение: «договора нет лишь тогда, когда ни один из элементов обязательства не нуждается для своего возникновения в соединении встречных волеизъявлений» [2, с. 33–41]. В рамках плановой экономики частноправовая форма сохранялась, но существенные условия нередко задавались извне, оставляя сторонам зону минимального согласования (номенклатура, сроки, спецификация) [2, с. 38–41; 13, с. 45–52]. Тем самым даже в условиях господства плана договор продолжал рассматриваться двояко. С одной стороны, как юридический факт, закрепляющий соглашение (необходимое для оформления сделки), а с другой – как само возникшее по плановому заданию обязательственное отношение. Фактическая автономия

участников была существенно урезана, договор во многом превратился в форму для оформления государственных директив, хотя минимальное пространство для встречного волеизъявления сохранялось.

Советский цивилист С. Н. Братусь формулировал пределы гражданско-правового метода¹, фиксируя зоны императивного вмешательства публичной власти [6, с. 112–118]. Правовед Б. Б. Черепахин указывал, что деление права на частное и публичное имеет эвристическое (методологическое) значение, так как оно удобно для анализа, хотя на уровне практики наблюдается взаимопроникновение режимов [24, с. 10–12], а О. Н. Садилов анализировал перенос гражданско-правовых категорий (включая договор) в публичную сферу [21, с. 19–24]. Перечисленные исследования подготовили теоретическую базу для поворота к публичным договорным формам, характерного для постсоветской эпохи. Таким образом, уже в позднесоветский период возникло понимание относительности границ гражданско-правового метода – договорно-правовые конструкции перестали восприниматься исключительно как атрибут частного права. Исследования С. Н. Братуся, Б. Б. Черепахина и О. Н. Садилова показали, что гражданско-правовые механизмы могут эффективно применяться и в управленческой деятельности, если учитывать специфику публичных интересов. Эта научная база во многом предвосхитила признание в дальнейшем, например, административных договоров.

Постсоветская реформа вернула принцип свободы договора и впервые закрепила доктринальное опреде-

¹ Гражданско-правовой метод – это координационный (диспозитивный) способ правового регулирования, при котором участники отношений юридически равноправны, действуют на основе автономии воли и имущественной самостоятельности. Регулирование строится преимущественно через дозволение и соглашение (свободу договора), а защита прав носит в основном восстановительно-компенсационный характер. Он противопоставляется методу власти и подчинения, характерному для публично-правовых отраслей. См.: Иоффе О. С., Мусин В. А., Основы римского гражданского права; Яковлев В. Ф., Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений; Братусь С. Н., Предмет и система советского гражданского права.

ление в законе: «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей» (ст. 420 ГК РФ)¹. Современные цивилистические исследования подробно раскрывают границы свободы усмотрения сторон, где действуют императивные запреты, требования публичного порядка, принципы добросовестности и механизмы защиты слабой стороны [23, с. 511–520; 22, с. 600–615]. Закрепление общей дефиниции договора на законодательном уровне имело важное методологическое значение, оно отразило преемственность дореволюционной и советской доктрин в новых рыночных условиях.

Школа М. И. Брагинского и В. В. Витрянского предложила рассматривать договор не только как акт заключения, но и как регулятивную программу поведения

¹ Ретроспектива легальных дефиниций термина «договор» выглядит следующим образом:

Ранний проект Гражданского уложения (Комиссия М. М. Сперанского, 1809–1814 гг.) предусматривал часть 3 «О договорах», в которой содержалось прямое определение: «Договор есть постановление, коим два или многие лица взаимно обязуются в каком-либо определенном деле».

Проект Гражданского уложения в редакции 1899 г. в статье 4 Книги пятой «Обязательства» содержал легальное определение: «Договором именуется соглашение двух или нескольких лиц о приобретении, изменении или прекращении какого-либо права».

В редакции Гражданского уложения от 1905 г. определение из общих положений исключили, при этом в Книге первой «О сделках» договоры или соглашения двух или нескольких лиц были отнесены к видам сделок. То есть, от отдельной дефиниции «договора» отказались, оставив договор в рамках многосторонней сделки.

В окончательной редакции 1910–1912 гг. (внесена в ГД в 1913 г.) определение договора, как краткой формулы, уже не давали. Характерно содержание статьи 4 общих положений Книги пятой, где договор, не подпадающий под предусмотренные законом типы, не признается недействительным только по этому основанию и подчиняется общим правилам об обязательствах. Таким образом делается акцент на общегражданский характер и свободу договоров, а не на дефиницию.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. не давал отдельного определения договора, но закреплял его через конструкцию сделки: «Сделки, то есть действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, могут быть односторонними и взаимными (договоры).» (ст. 26).

Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г. повторили тот же прием: «Сделками признаются действия граждан и организаций, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей. Сделки могут быть односторонними и двух- или многосторонними (договоры).» (ст. 14).

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. слово в слово перенял конструкцию Основ 1961 г.: «Сделками признаются действия граждан и организаций, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей. Сделки могут быть односторонними и двух- или многосторонними (договоры).» (ст. 41).

Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. сохранили подход, где договор – это разновидность двух- или многосторонней сделки (формула «Сделки могут быть односторонними и двух- или многосторонними (договоры)» (ст. 26)).

Гражданский кодекс РФ 1994 г. дал уже прямое легальное определение договора (новелла техники по сравнению с советскими актами): «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.» (ст. 420).

сторон на стадии исполнения, изменения, прекращения обязательств [5, с. 112–125]. Этим объясняется появление множества специальных договорных конструкций: предварительных и рамочных договоров, опционных механизмов, договоров присоединения, публичных договоров [5, с. 210–220; 22, с. 600–615; 7, с. 12–15]. Появление указанных конструкций связано с потребностями практики – сложные длительные сделки требуют рамочного оформления, возможность одностороннего присоединения облегчает массовый оборот, а опционные соглашения придают гибкость заключенным договорам. Концепция *программы поведения* подчеркнула, что договорные отношения динамичны: заключив договор, стороны продолжают взаимодействовать в процессе исполнения, а право учитывает эту фазу, предоставляя механизмы адаптации и корректирования обязательств. Институт публичного договора, со своей стороны, демонстрирует возрастание регулятивной роли государства в частноправовых отношениях, направленной на защиту общего блага и уязвимых потребителей. Данные идеи нашли отражение в законодательстве, например, Гражданский кодекс РФ закрепил ряд специальных положений о договорах, включая нормы о публичном договоре (ст. 426 ГК РФ), договоре присоединения (ст. 428 ГК РФ), предварительном договоре (ст. 429 ГК РФ) и др., что стало прямым результатом доктринальных рекомендаций.

Следующим логичным с эволюционной точки зрения шагом стало появление административных договоров.

К идее административных договоров законодательство подходило постепенно. Так, в 2005 году был принят специальный федеральный закон о концессионных соглашениях¹, а в 2015 году – закон о государственно-

¹ О концессионных соглашениях: федер. закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ.

частном партнерстве¹, которые регламентируют порядок заключения ключевых публично-правовых договоров между государством и инвесторами.

В научной литературе устоялось определение административного договора как соглашения с участием хотя бы одного публичного субъекта и направленного на достижение публичной цели, которая сочетает согласительный и властный методы [8, с. 610–616; 4, с. 36–41].

К ключевым признакам административного договора относятся: компетенционная обусловленность, процедурная регламентация и возможность одностороннего вмешательства публичной власти в период исполнения (в пределах установленных законом рамок) [14, с. 188–196; 17, с. 556–560]. Компетенционная обусловленность означает, что стороны административного договора (например, государственные органы или органы местного самоуправления) могут заключать его лишь в пределах своей правотворческой или управленческой компетенции. Процедурная регламентация проявляется в требовании соблюдать специальные процедуры заключения (конкурсы, согласования с вышестоящими органами и т. п.), гарантирующие прозрачность и учет публичных интересов. Возможность одностороннего вмешательства подразумевает право публичного субъекта изменять или расторгать договор в случаях, установленных законом, для защиты общественных интересов, это радикально отличает административный договор от гражданско-правового, где одностороннее изменение обязательств, как правило, недопустимо.

От концессионных соглашений и соглашений государственно-частного партнерства до тарифных и бюджетных соглашений – спектр административных

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ.

договоров в российской доктрине расширяется, также обсуждаются и соглашения с нормативным потенциалом, устанавливающие правила общего характера в пределах компетенции [8, с. 610–616; 9, с. 5–12; 3, с. 23–27].

Подведем промежуточный итог сопоставления частно-правовой и публично-правовой моделей договора – обе модели основываются на согласовании воли сторон, все чаще рассматриваются как программа поведения, нуждаются в механизмах адаптации (форс-мажор, *hardship*¹, пересмотр условий) и предусматривают инструменты защиты слабой стороны [5, с. 112–125; 23, с. 511–520; 8, с. 614–616; 17, с. 556–560]. Таким образом и гражданско-правовой, и административно-правовой договор эволюционируют от статичной модели к более процессуальной, гибкой форме регулирования. Классические оговорки о форс-мажоре дополняются возможностями пересмотра обязательств при существенном изменении обстоятельств (доктрина *hardship*), что признается как в гражданских, так и в публичных контрактах.

Для частного права характерны принцип равенства участников и диспозитивности, для публичного – приоритет публичного интереса и компетенции, оправдывающий одностороннее административное вмешательство при исполнении договоров [8, с. 614–616; 14, с. 188–196].

Следующая ступень эволюции – нормативный договор.

В общетеоретическом плане нормативный договор – это соглашение, посредством которого стороны устанавливают, изменяют или отменяют нормы права общего характера, рассчитанные на неоднократное применение и адресованные неопределенному кругу лиц [10, с. 152–153; 12, с. 12–15; 1, с. 149–151]. Критерии нормативности:

¹ **Hardship (затруднения)** – обстоятельства, при которых исполнение обязательства формально возможно, но, из-за непредвиденного и существенного сдвига эквивалентности, стало чрезмерно обременительным. В качестве последствий: требование добросовестных переговоров, а при их провале – судебная адаптация или прекращение договора. См.: Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016, ст. 6.2.2–6.2.3

(1) общий адресат, (2) повторяемость, (3) автономность норм по отношению к индивидуальным правоотношениям сторон, (4) наличие у сторон правотворческой компетенции [10, с. 152–153; 12, с. 12–15].

Тем самым, нормативный договор принципиально отличается от «обычного» договора-сделки, который создает только относительные права и обязанности между участниками. По своей сути нормативный договор представляет форму совместного правотворчества, а не обмена встречными обязательствами.

Соответственно, заключение такого соглашения возможно лишь между субъектами, обладающими официально признанными полномочиями создавать правовые нормы (например, государственные органы или стороны социального партнерства), и оно преследует цели регулирования общезначимых отношений, выходящих за рамки индивидуального интереса сторон. Стоит отметить, что термин нормативный договор начал активно использоваться в отечественной юриспруденции с 1970-х годов в трудах по теории государства и права, однако наибольшее признание он получил после 1990-х годов, когда оживились федеративные и социально-партнерские процессы, требующие договорного регулирования.

Например, В. В. Лазарев и С. В. Липень подчеркивают, что первичный признак нормативного договора – наличие правовых норм, и определяют его через установление норм права путем соглашения [10, с. 152–153]. Правовед А. А. Мясин фиксирует триаду: (1) равноправие и общность интересов сторон, (2) наличие норм общего характера и (3) целевая направленность на достижение желаемого сторонами результата [12, с. 12–15]. Также интересны и суждения Р. Р. Абдрахманова, который обращает внимание на терминологическую нео-

пределенность и необходимость унификации понятия «нормативный договор», подчеркивая его отличие от сделки [1, с. 149–151].

В целом большинство исследователей сходятся во мнении, что определяющим свойством нормативного договора является соглашение именно о правилах общего характера. Разногласия касаются дополнительных условий: так, подчеркивается, что нормативный договор возможен лишь при равном правовом статусе сторон и их общей заинтересованности в результате (А. А. Мясин), а также отмечается потребность в четком разграничении термина от смежных понятий (Р. Р. Абдрахманов). Несмотря на нюансы, эти подходы дополняют друг друга, формируя комплексное представление о феномене нормативного договора.

Нормативный договор допустим лишь при наличии у сторон правотворческой компетенции и соблюдении иерархии источников, поскольку он не может отменять или изменять закон, а лишь детализирует его в пределах полномочий соответствующих субъектов [8, с. 614–616; 17, с. 556–560]. Такие договоры могут занимать вспомогательное место в системе источников: (1) они не заменяют закон, а дополняют его, особенно там, где централизованное регулирование сочетается с автономией участников (конституционные отношения, трудовое право, межбюджетные вопросы); (2) их действие определяется соотношением с другими актами; (3) по силе они приравниваются к тому виду акта, который вправе издавать заключающие субъекты.

Этот подход имеет эволюционное продолжение в современных новаторских исследованиях. Например, профессор Р. А. Ромашов подчеркивает ценностную укорененность права. Договоры, претендующие на нормативность, должны соответствовать ценностному

каркасу правопорядка и требуют профессиональных процедур интерпретации (лингвистической и технико-юридической) [20, с. 1–2; 18, с. 52–53]. Отсюда логично определяется и методологический критерий различения индивидуально-регулятивного и нормативного действия: юридически корректного заключения недостаточно, поскольку содержание должно отвечать фундаментальным принципам и быть ясно толкуемо – иначе нормативный эффект минимален. Важно презюмировать повышенные требования к юридической технике, толкованию, исполнению и встроенности такого договора (соглашения) в систему права и государства.

Дискуссия о возможности договора быть источником права ведется давно: классика признает источниками лишь официальные акты государства, тогда как договор – проявление автономии частных лиц. Однако развитие права породило ситуации нормативной роли соглашений – так возникла новая исследовательская повестка. В гражданском праве договор обычно действует *inter partes* (между сторонами). Исключение – случаи, когда закон «возводит» его в локальный источник, но и тогда сила ограничена компетенцией и императивными нормами [23, с. 511–520]. Если законодатель придает отдельным видам договоров общеобязательность, они фактически становятся нормативными актами, однако не могут противоречить законодательству.

В публичном праве нормативный потенциал проявляется, когда соглашения заключают правотворческие субъекты, а закон придает им обязательную силу для неопределенного круга адресатов (федеративные, межбюджетные, тарифные и т. п.) [8, с. 610–616; 17, с. 556–560]. Как точно отметил профессор Р. А. Ромашов, такие договоры могут быть «продуктами» материального правотворчества при их встроенности в иерархию и процедурные

рамки [19, с. 432–434]. Практически это означает, что отдельные административные соглашения способны выступать нормативными актами ограниченного действия (межправительственные соглашения субъектов, тарифные соглашения). Но это допустимо лишь при прямом законодательном уполномочивании и признании их нормативной силы, при обязательном соблюдении иерархии нормативных документов и официальном признании – утверждении или регистрации в установленном порядке.

Обобщая воззрения отечественных правоведов, представляется возможным выдвинуть многоуровневую модель договора:

Договор-сделка (микроуровень): юридический факт, основанный на совпадении воли равноправных субъектов; индивидуальная (относительная) регуляция [11, с. 75–79; 16, с. 29–31]¹.

Договор-обязательство (мезоуровень): устойчивое правоотношение «кредитор – должник» с программой исполнения, рисками, средствами защиты, корректируемое добросовестностью и публичным порядком [2, с. 33–41; 13, с. 45–52; 5, с. 112–125; 23, с. 511–520].

Договор-инструмент управления (мезо/макроуровень): административные соглашения в публичном праве, интегрирующие согласительный и властный методы, ограниченные компетенцией и публичным интересом [8, с. 610–616; 4, с. 36–41; 17, с. 556–560].

Договор-источник права (нормативный договор) (макроуровень): правотворческое соглашение компетентных субъектов, устанавливающее нормы общего характера для неопределенного круга лиц, действующее в пределах иерархии источников [10, с. 152–153; 12, с. 12–15; 1, с. 149–151].

¹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 152–160.

Заключение

Эволюция отечественной доктрины договора представляет собой движение от классической «сделки равных» к многоуровневой конструкции, которая одновременно обслуживает обмен и координацию частных интересов, обеспечивает согласительное выполнение публичных функций и в особых случаях выступает источником правовых норм. Дореволюционные цивилисты (Мейер, Шершеневич, Покровский) задали рамку автономии воли и ее пределов. Советская доктрина (Агарков, Иоффе, Новицкий – Лунц) встроила договор в обязательственную систему и плановое управление, сохранив его юридическую форму и переосмыслив содержание. Современная цивилистика (Брагинский–Витрянский; Ромашов; Суханов) и административно-правовая наука (Зеленцов; Бахрах – Россинский – Старилов) показали дифференциацию договорных конструкций и признали публично-правовые договоры как особые формы управления. Общетеоретические исследования (Лазарев – Липень; Мясин; Абдрахманов) обосновали нормативный договор как самостоятельный источник права.

В результате договор в отечественной правовой мысли – это не только юридический факт и обязательство, но и гибкая правовая программа с возможным правотворческим потенциалом. Методологический ключ к разграничению уровней действия договора – в источнике полномочий сторон, характере адресата, цели регулирования и процессуальном режиме контроля.

Таким образом, современное понимание договора представляет собой синтез исторического опыта и теоретических идей разных эпох. Договор из средства частного гражданского оборота превратился также в инструмент публично-правового регулирования, сохранив при этом свою сущность как соглашения сторон. Мно-

гоуровневый анализ договора позволяет более точно определять границы его действия и условия эффективности. Он показывает, что договор способен выполнять разнообразные функции – от закрепления разовых сделок до служения источником права, – но в каждом случае требует соблюдения определенных принципов и ограничений. Осмысление договора через призму отечественной доктрины подтверждает актуальность этого правового феномена и открывает перспективы для дальнейших исследований его нормативного потенциала. Особенно важным представляется изучение договорных форм в новых условиях – цифровой экономики, глобальной интеграции, усложнения социальных связей – где гибкость и адаптивность договора могут послужить эффективным средством регулирования. Отечественная доктрина, накопившая богатый опыт анализа договора, способна предложить научные ориентиры для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в этих сферах.

Список литературы

1. Абдрахманов Р. Р. Нормативный договор как термин права // Молодой ученый. – 2021. – № 51 (393). – С. 149–151.
2. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
3. Андреева Е. М. Административный договор в теории и практике государственного управления // Новый юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 23–27.
4. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга I: общие положения. – 2-е изд. – М.: Статут, 1999. – 848 с.
6. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963. – 240 с.
7. Витрянский В. В. Публичный договор в гражданском праве // Право и экономика. – 2002. – № 3. – С. 12–20.
8. Зеленцов А. Б. Общее административное право. Ч. I. – Воронеж: ВГУ, 2016. – 750 с.
9. Красильников Т. С. К вопросу о классификации административных договоров // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 5–12.

10. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. – М.: Юрист, 1998. – 183 с.
11. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. – М.: Статут, 2003. – 831 с.
12. Мясин А. А. Нормативный договор как источник права. – Пенза, 2004. – 56 с.
13. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. – М.: Госюриздат, 1950. – 416 с.
14. Остапенко И. А. Административный акт и административный договор как правовые формы государственного управления: монография. – Волгоград, 2010. – 188 с.
15. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980. – С. 97–131.
16. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – 3-е изд. – М.: Статут, 2001. – 353 с.
17. Попов Л. Л. Административное право России. – М.: Юрист, 2013. – 720 с.
18. Ромашов Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты // Юридическая техника. – 2010. – С. 52–57.
19. Ромашов Р. А. Правовая позиция субъекта правотворчества: этические и технико-юридические особенности формирования и выражения // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 432–434.
20. Ромашов Р. А. Правовые ценности в условиях глобальных трансформаций // Материалы ежегодных Международных научных чтений памяти Д. С. Лихачева. – СПб.: СПбГУП, 2023. – С. 509–511.
21. Садиков О. Н. Гражданско-правовые категории в публичном праве // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 19–28.
22. Суханов Е. А. Гражданское право. Т. 2: Обязательственное право. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 1078 с.
23. Суханов Е. А. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 1. – 2-е изд. – М., 2011. – 816 с.
24. Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2002. – С. 5–40.

References

1. Abdrakhmanov, R. R. (2021) Normativnyi dogovor kak termin prava [Normative Agreement as a Legal Term]. *Molodoi uchenyi – Young Scientist*. No. 51 (393). Pp. 149–151. (In Russian).
2. Agarkov, M. M. (1940) *Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Obligation in Soviet Civil Law]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR. (In Russian).
3. Andreeva, E. M. (2013) Administrativnyi dogovor v teorii i praktike gosudarstvennogo upravleniya [Administrative Agreement in the Theory and Practice of Public Administration]. *Novyi yuridicheskii zhurnal – New Legal Journal*. No. 1. Pp. 23–27. (In Russian).
4. Bakhrahk, D. N., Rossinskii, B. V., Starilov, Yu. N. (2005) *Administrativnoe parvo* [Administrative Law: Textbook]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Norma. (In Russian).
5. Braginskii, M. I., Vitrianskii, V. V. (1999) *Dogovornoe pravo. Kniga I: Obshchie polozheniya* [Contract Law. Book I: General Provisions]. Moscow: Statut. (In Russian).
6. Bratus', S. N. (1963) *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava* [The Subject and System of Soviet Civil Law]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).

7. Vitrianskii, V. V. (2002) Publichnyi dogovor v grazhdanskom prave [Public Contract in Civil Law]. *Pravo i ekonomika – Law and Economics*. No. 3. Pp. 12–20. (In Russian).
8. Zelentsov, A. B. (ed.) (2016) *Obshchee administrativnoe pravo*. Ch. I [General Administrative Law. Part I]. Voronezh: VGU. (In Russian).
9. Krasil'nikov, T. S. (2019) K voprosu o klassifikatsii administrativnykh dogovorov [On the Classification of Administrative Agreements]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. No. 5. Pp. 5–12. (In Russian).
10. Lazarev, V. V., Lipen', S. V. (1998) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist'. (In Russian).
11. Meyer, D. I. (2003) *Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch.* [Russian Civil Law: in 2 Parts]. Moscow: Statut. (In Russian).
12. Myasin, A. A. (2004) *Normativnyi dogovor kak istochnik prava* [Normative Agreement as a Source of Law]. Penza. (In Russian).
13. Novitskii, I. B., Lunts, L. A. (1950) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General Doctrine of Obligation]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).
14. Ostapenko, I. A. (2010) *Administrativnyi akt i administrativnyi dogovor kak pravovye formy gosudarstvennogo upravleniya: monografiya* [Administrative Act and Administrative Agreement as Legal Forms of Public Administration: Monograph]. Volgograd. (In Russian).
15. Pashukanis, E. B. (1980) Obshchaya teoriya prava i marksizm [General Theory of Law and Marxism]. *Izbrannye proizvedeniya po obshchei teorii prava i gosudarstva* [Selected Works on the General Theory of Law and the State]. Moscow: Nauka. Pp. 97–131. (In Russian).
16. Pokrovskii, I. A. (2001) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Fundamental Problems of Civil Law]. 3rd ed. Moscow: Statut. (In Russian).
17. Popov, L. L. (ed.) (2013) *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow: Yurist'. (In Russian).
18. Romashov, R. A. (2010) Interpretatsiya prava: lingvisticheskii i tekhniko-yuridicheskii aspekty [Interpretation of Law: Linguistic and Technical-Juridical Aspects]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal Technique*. Pp. 52–57. (In Russian).
19. Romashov, R. A. (2012) Pravovaya pozitsiya sub"ekta pravotvorchestva: eticheskii i tekhniko-yuridicheskie osobennosti formirovaniya i vyrazheniya [The Legal Position of a Law-Making Subject: Ethical and Technical-Juridical Features of Formation and Expression]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal Technique*. No. 6. Pp. 432–434. (In Russian).
20. Romashov, R. A. (2023) Pravovye tsennosti v usloviyakh global'nykh transformatsii [Legal Values in the Context of Global Transformations]. *Materialy ezhegodnykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii pamiati D. S. Likhacheva* [Proceedings of the Annual International Readings in Memory of D. S. Likhachev]. Saint Petersburg: SPbGUP. Pp. 509–511. (In Russian).
21. Sadikov, O. N. (2011) Grazhdansko-pravovye kategorii v publichnom prave [Civil-Law Categories in Public Law]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 9. Pp. 19–28. (In Russian).
22. Sukhanov, E. A. (ed.) (2010) *Grazhdanskoe pravo. T. 2: Obyazatel'stvennoe pravo* [Civil Law. Vol. 2: Law of Obligations]. Moscow: Volters Kluver. (In Russian).
23. Sukhanov, E. A. (ed.) (2011) *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 1* [Russian Civil Law: in 2 vols. Vol. 1]. 2nd ed. Moscow. (In Russian).
24. Cherepakhin, B. B. (2002) K voprosu o chastnom i publichnom prave [On the Question of Private and Public Law]. *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on Civil Law]. Moscow: Statut. Pp. 5–40. (In Russian).

Об авторе

Кандыба Тимофей Андреевич, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-4360-3850, e-mail: timarus@mail.ru

About the author

Timofey A. Kandyba, independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-4360-3850, e-mail: timarus@mail.ru

Поступила в редакцию: 08.09.2025

Принята к публикации: 10.10.2025

Опубликована: 22.12.2025

Received: 08 September 2025

Accepted: 10 October 2025

Published: 22 December 2025